

СЕРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
ГЛАВА 1. ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ЛЕВЫМ?	9
ГЛАВА 2. РЕСЕНТИМЕНТ В БРИТАНИИ: ХОБСБАУМ И ТОМПСОН	33
ГЛАВА 3. ПРЕЗРЕНИЕ В АМЕРИКЕ: ГЭЛБРЕЙТ И ДВОРКИН	64
ГЛАВА 4. ОСВОБОЖДЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ: САРТР И ФУКО	111
ГЛАВА 5. СКУКОТА В ГЕРМАНИИ: ДОКАТИТЬСЯ ДО ХАБЕРМАСА	176
ГЛАВА 6. БЕССМЫСЛИЦА В ПАРИЖЕ: АЛЬТЮССЕР, ЛАКАН И ДЕЛЁЗ	240
ГЛАВА 7. КУЛЬТУРНЫЕ ВОЙНЫ ПО ВСЕМУ МИРУ: НОВЫЕ ЛЕВЫЕ ОТ ГРАМШИ ДО САИДА	293
ГЛАВА 8. КРАКЕН ПРОБУЖДАЕТСЯ: БАДЬЮ И ЖИЖЕК	355
ГЛАВА 9. ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ПРАВЫМ?	404
Литература	428

ВВЕДЕНИЕ

КНИГА «Мыслители новых левых» впервые была опубликована в 1985 г. и состояла из ряда статей, ранее выходявших в журнале *The Salisbury Review*. Я переработал ее, убрав из книги тех авторов, которым уже нечего сказать нам сегодня, например Рональда Дэвида Лэйнга и Рудольфа Барро, и включил в книгу совершенно новый материал о таких набирающих популярность тенденциях, как невообразимая машина абсурда Лакана, Делёза и Гваттари, всеразрушающая атака на наше «колониальное» наследие со стороны Эдварда Саида и недавнее возрождение «коммунистической гипотезы» Бадью и Жижеком.

Моя книга была опубликована в разгар тэтчеровской эпохи террора, когда я еще преподавал в университете и был известен среди британских левых интеллектуалов как видный противник их идеологии, которой повсеместно придерживались все приличные люди. Критики встретили книгу насмешками и негодованием, не упуская случая над ней надругаться. Эта публикация стала началом конца моей университетской карьеры: рецензенты сильно сомневались в интеллектуальных способностях и моральном облике ее автора. Эта внезапная опала поспособствовала атакам на все мои сочинения, касались они политики или нет.

Один академический философ писал в издательство *Longman*, опубликовавшее книгу: «В некотором смущении должен признаться вам, что многие мои коллеги здесь [т.е. в Оксфорде] полагают, что такое уважаемое издательство, как *Longman*, бросило тень на свою репутацию, выпустив работу Скрутона». И далее в угрожающем духе он выражал надежду на то, что «негативная реакция, вызванная этой авантюрой, заставит *Longman* впредь быть более

избирательным в своей издательской политике». Автор бестселлеров среди учебной литературы пригрозил уходом к другому издателю, если моя книга будет переиздаваться. И конечно же, нераспроданный тираж «Новых левых мыслителей» вскоре был изъят с полок книжных магазинов, переместившись в сарай в моем саду.

Естественно, я сомневался, стоит ли возвращаться на сцену после такого фиаско. Однако постепенно после 1989 г. стали заметны колебания в стане левых. И сегодня уже общепризнано, что не все, что сказано, помыслено или сделано во имя социализма, интеллектуально правильно или морально верно. Я, вероятно, был больше других в курсе этих изменений, принимая во внимание мою вовлеченность в подпольные сети интеллектуалов коммунистической Европы. Я лицезрел крах, и было очевидным для всех, кто потрудился обратить на него внимание, что основной причиной катастрофы стал образ мышления левых. «Мыслители новых левых» в самиздатовской версии появились сначала в Польше и Чехии, а затем были переведены на китайский, корейский и португальский языки. С течением времени, и особенно после 1989 г., мне становилось все легче выражать свои взгляды. И наконец я поддался убеждению своего издателя Робина Бэрда-Смита, что новая книга могла бы принести пользу студентам, вынужденным продираться через вязкие тексты Делёза, серьезно относиться к безумным заклинаниям Жижека или верить в то, что за теорией коммуникативного действия Хабермаса стоит что-то большее, чем неспособность автора ее коммуницировать.

Уже исходя из сказанного должно быть ясно, что это не энциклопедия хороших манер. Я бы определил книгу, скорее, как провокацию. Однако я делаю все возможное, чтобы объяснить не только то, чем плохи авторы, которых я обсуждаю, но и то, чем они хороши. Надеюсь, ре-

ДУРАКИ, МОШЕННИКИ И ПОДЖИГАТЕЛИ

зультат принесет пользу читателям любых политических убеждений.

При подготовке этой книги к печати мне сильно помогли комментарии и критика Марка Дули, Себастьяна Гарднера, Роберта Гранта и Уилфрида Ходжеса. Все они неповинны в преступлениях, совершенных на ее страницах.

Скрутопия, январь 2015 г.

Глава 1

Что значит быть левым?

ЗНАЧЕНИЕ, в котором мы сейчас употребляем слово «левый», восходит к французским Генеральным штатам 1789 г., во время которых знать сидела справа от короля, а третье сословие — слева. Они могли расположиться наоборот. В действительности *так оно и было* — для всех, кроме короля. И тем не менее термины «левый» и «правый» сохранились до настоящего времени, и сейчас ими обозначаются фракции и взгляды, имеющие место в рамках любого политического порядка. В результате картина политических взглядов, размещенных в одном измерении, получает смысл только локально, в условиях политического состязания и конкуренции. Более того, даже если в чем-то она и воспроизводит контуры политического процесса, вряд ли она помогает отдать должное теориям, направляющим этот процесс и образующим политический климат. Зачем же тогда обозначать авторов, рассматриваемых в данной книге, словом «левый»? Зачем одним словом называть и анархистов вроде Фуко, и марксистов-догматиков, таких как Альтюссер, и неумных нигилистов, например Жижека, и американских либералов, скажем, Дворкина и Рорти?

Тому есть две причины: во-первых, эти мыслители сами называют себя именно так. Во-вторых, все они де-

монстрируют один и тот же живучий взгляд на мир, который неизбежно преследует западную цивилизацию по крайней мере со времен Просвещения. В его основе лежат комплексные социальные и политические теории, к которым у меня еще будет случай обратиться далее. Многие из затрагиваемых далее тем связаны с движением новых левых, набравшим популярность в 1960–1970-х годах. Другие относятся к широкому спектру политических идей послевоенных лет, согласно которым государство должно нести ответственность за общество и его следует наделить полномочиями по распределению благ.

«Мыслители новых левых» были опубликованы до распада Советского Союза, до образования империи под названием Европейский союз и до того, как Китай стал примером бандитского капитализма. Естественно, новые левые мыслители должны были бы принять во внимание эти события. Крах коммунизма в Восточной Европе и повсеместная слабость социалистических экономик ненадолго обеспечили доверие к экономическим мерам «новых правых». В стороне не осталась даже Лейбористская партия Великобритании, которая исключила п. IV о приверженности принципу государственной собственности из своего устава и приняла положение, согласно которому промышленность больше не относится непосредственно к сфере ответственности правительства.

На какое-то время даже показалось, что можно будет услышать извинения от тех, кто направлял свои интеллектуальные и политические усилия на обеление Советского Союза или восхваление «народных республик» Китая и Вьетнама. Однако сомнения длились недолго. Прошло десятилетие, и представители левого истеблишмента снова оказались в седле. Возобновили свои нападки на политику США Ноам Хомский и Говард Зинн. В Европе левые снова объединились против «неолиберализма», как будто все это время он был главной проблемой. Дворкин и Ха-

бермас получали премию за премией за свои трудночитаемые, но безупречно ортодоксальные книги. А заслуженный коммунист Эрик Хобсбаум за свою непоколебимую преданность Советскому Союзу был награжден Орденом Кавалеров Почета.

И в самом деле, враг выглядел теперь иначе: марксистский шаблон уже не так-то легко подходил к новым условиям, и казалось, что несколько глуповато бороться за дело рабочего класса, когда его последние представители вступают в ряды нетрудоспособных или самозанятых. А затем наступил финансовый кризис, когда люди по всему миру были брошены в сравнительную бедность, тогда как очевидные виновники — банкиры, финансисты и спекулянты — остались в неприкосновенности, сохранив свои бонусы. В результате книги, посвященные критике рыночной экономики, снова обрели популярность, то напоминая нам, что подлинные блага не подлежат обмену («Что нельзя купить на деньги» Майкла Сэндела), то доказывая, что рынки в современных условиях приводят к массовому перераспределению материальных благ от самых бедных к наиболее богатым («Цена неравенства» Джозефа Стиглица и «Капитал в XXI веке» Тома Пикетти). И из неиссякаемого источника марксистского гуманизма мыслители извлекли новые аргументы в подтверждение моральной и духовной деградации человечества в условиях свободного обмена («Эстетизация мира. Жизнь в эпоху художественного капитализма» Жюль Липовецки и Жана Серуа, «NO LOGO» Наоми Кляйн и «Я трачу, следовательно, я существую» Филиппа Роско).

Поэтому левые мыслители и писатели быстро восстановили равновесие, убедив мир в том, что они никогда в действительности не находились под влиянием коммунистической пропаганды, и возобновили атаки на западную цивилизацию и ее «неолиберальные» экономики как на главную угрозу человечеству в глобализированном

мире. Слово «правый» так и осталось ругательным, как это было до падения Берлинской стены, а оппозиционное рвение не претерпело в новых условиях сильного смягчения. Этот примечательный факт — одна из загадок, которые я пытаюсь разгадать в этой книге.

Позиция левых ясно обозначилась, как только появилось само различие между левыми и правыми. Левые полагают вслед за якобинцами времен Французской революции, что блага в мире несправедливо распределены. И корень этой проблемы не в человеческой природе, а в узурпации власти и прав господствующим классом. Они определяют себя через оппозицию к действующей власти как поборников нового порядка, который удовлетворит давние жалобы всех угнетенных.

В обоснование стремления к новому порядку обычно приводят два его характерных признака: освобождение и «социальную справедливость». Отдаленно эти понятия соотносятся с идеями свободы и равенства времен Французской революции, но только отдаленно. Освобождение, проповедуемое левыми движениями сегодня, подразумевает не только свободу от политического угнетения или право заниматься своим делом, не опасаясь чьего-либо вмешательства. Под ним понимается избавление от «структур»: институтов, обычаев и конвенций, слагающих «буржуазный» порядок и образующих общую систему норм и ценностей, лежащих в основе западного общества. Даже левые мыслители, которые избежали влияния либертарианства 1960-х, считают свободу формой *избавления* от социальных ограничений. Большая часть их работ посвящена деконструкции таких институтов, как семья, школа, закон и национальное государство, посредством которых до нас дошло культурное наследие западной цивилизации. Эти авторы, наиболее ярким из которых был Фуко, называют «структурами господства» то, что другие считают просто инструментами гражданского порядка.

Освобождение угнетенных — бесконечное дело: едва одни жертвы окончательно сбрасывают оковы, как на горизонте появляются новые. Спасение женщин от мужского гнета, животных от жестокого обращения, гомосексуалистов и транссексуалов от «гомофобии» и даже мусульман от «исламофобии» — все это вошло в новейшие политические программы левых, чтобы соответствующие положения были зафиксированы законодательно и реализованы комитетами, действующими под контролем чиновников. С течением времени старые нормы социального порядка утрачивают влияние, а иногда даже оказываются под запретом как нарушение «прав человека». И действительно во имя «освобождения» принимается куда больше законов, чем когда-либо издавалось для его сдерживания. Только подумайте, сколько нормативных актов сегодня обеспечивают «недискриминацию»!

Точно так же цель установления «социальной справедливости» — больше не равенство перед законом и не равные гражданские права, за которые выступало Просвещение. Теперь желаемый итог — это полная перестройка общества, после которой привилегии, иерархии и даже неравное распределение благ будут либо преодолены, либо оспорены. Более радикальный эгалитаризм марксистов и анархистов XIX в., стремившихся к отмене частной собственности, сейчас, по всей видимости, не слишком востребован. Но за лозунгом «социальной справедливости» скрывается другой, более жизнеспособный взгляд на мир, согласно которому неравенство в чем бы то ни было — собственности, досуге, законодательно закрепленных привилегиях, общественном положении, образовательных возможностях — во всем, что мы могли бы пожелать для себя и своих детей, — несправедливо, пока не будет доказано обратное. В любой сфере, где мы имеем возможность сравнивать социальное положение людей, равенство — это позиция по умолчанию.

Благодаря невыразительной манере изложения в трудах Джона Ролза эту посылку можно не заметить. Призывы Дворкина к «обращению как с равными» в противоположность «равному обращению» ужестораживают. Но еще важнее то, что идеи такого плана *сметают все на своем пути*. Ни один обычай, институт, закон или иерархия, никакая традиция, особенность, правило или долг не могут превзойти равенство, если они лишены независимого источника легитимации. Все, что не отвечает цели равенства, должно быть снесено и перестроено. Если институт или обычай передаются из поколения в поколение и пользуются широким признанием, то это все равно не является аргументом в их пользу. Таким образом, преследование цели «социальной справедливости» становится плохо скрываемой попыткой «зачистки» истории, к которой всегда стремились революционеры.

Цели освобождения и социальной справедливости не слишком сочетаются: не более чем свобода и равенство времен Французской революции. Если освобождение подразумевает в том числе и раскрытие личностного потенциала, то как мы можем воспрепятствовать тому, чтобы амбициозные, энергичные, умные, красивые и сильные оказались впереди? И что допустимо сделать, чтобы ограничить их? Но не будем задаваться вопросом, ответить на который практически невозможно. Лучше дать волю старому ресентименту, чем думать о возможных последствиях. Объявляя войну исторически сложившимся иерархиям и институтам во имя этих двух идеалов, левые умело затушевывают конфликт между ними. И вообще «социальная справедливость» — это цель столь важная, что стоит выше противоречащих ей интересов разных групп людей. Так что, апеллируя к ней, можно обелить любые действия.

Важно обратить внимание на этот очистительный потенциал. Многие левые скептически относятся к утопическим порывам, и в то же время, объединившись под зна-

менем морализаторства, они неминуемо попадают под влияние самых фанатичных сторонников этих идей, которые заражают их своим энтузиазмом. Поэтому политика левых — это политика с *целью*. И ваше место в движении определяется тем, как далеко вы способны зайти в достижении «социальной справедливости», как бы она ни определялась. Консерватизм, по крайней мере в британской традиции, — это политика обычаев, компромиссов и воздержания от решений. Консерватор смотрит на политические объединения так же, как и на дружбу: у нее нет доминирующих целей, лишь ежедневные перемены, соответствующие непредсказуемой логике общения. Поэтому в консервативном лагере экстремисты — это одиночки, эксцентричные и даже опасные. И хотя сложно быть более преданными партнерами в общем деле, своей чрезмерной целеустремленностью они отделяют себя от тех, кого стремятся возглавить¹.

Маркс отвергал современные ему социалистические теории как «утопические», противопоставляя им «научный социализм», который должен был в конце концов привести к «полному коммунизму». «Историческая неизбежность» этого состояния освобождала Маркса от необходимости описывать его. Сама «наука» состояла из «законов исторического движения», изложенных в «Капитале» и других текстах, согласно которым экономическое развитие приводит к поступательным изменениям в экономической инфраструктуре общества, позволяющим говорить о том, что однажды частная собственность исчезнет. После периода социалистической опеки — «диктатуры пролетариата» — государство «отомрет». Ни закона, ни нужды в нем не будет, и все будет принадлежать всем. Не станет и разделения труда, и каждый будет жить,

¹ Эту мысль я более подробно развиваю в работе: [Scruton, 2014]. См. также гл. 9 наст. изд.

удовлетворяя весь спектр своих потребностей и желаний: «утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике», как сказано в «Немецкой идеологии»².

Оглядываясь назад, говорить, что все это «наука», а не утопия, не многим более чем шутка. Замечание Маркса об охоте, рыбалке, хозяйстве и литературной критике — это единственная его попытка описать, какой будет жизнь без частной собственности. И если вы спросите, кто даст вам ружье или удочку, организует охоту с гончими, будет следить за лесными чащами и водоемами; кто будет распорядиться молоком и телятами, а кто опубликует литературную критику — все эти вопросы проигнорируют как не относящиеся к «сути дела». Эти проблемы будут разрешены в будущем, но вас не касаются. Что же насчет того, может ли существовать огромное количество организаций, необходимых для поддержания столь разнообразного досуга представителей всемирного высшего класса, в условиях полного отсутствия закона, собственности и вертикали управления — этот вопрос слишком тривиальный и не заслуживает внимания. Или, скорее, чересчур серьезный, чтобы с ним разбираться, и потому остается незамеченным. Достаточно малейшего критического усилия, чтобы осознать: «полный коммунизм» содержит противоречие. Это состояние, при котором все выгоды правопорядка еще налицо, хотя закона уже нет; все результаты общественного взаимодействия по-прежнему в наличии, несмотря на то что никто не обладает правами собственности, которые до сих пор были единственным мотивом производства товаров и услуг.

Противоречивая природа социалистических утопий — одно из объяснений насилия, которое сопровождает по-

² Маркс К., Энгельс Ф. 1988. Немецкая идеология. М.: Политиздат. С. 31. — *Примеч. пер.*

пытки их насаждения: требуется бесконечная сила принуждения, чтобы люди делали невозможное. Память об этих утопиях довлеет как над новыми левыми мыслителями 1960-х годов, так и над новыми американскими левыми либералами, принявшими их повестку. Больше невозможно скрываться за воздушными замками, которыми довольствовался Маркс. Необходимо мыслить более реалистично, если мы хотим убедить себя в том, что история или движется, или должна двигаться в социалистическом направлении. Так возникли социалистические историки, систематически приуменьшающие зверства, творимые во имя социализма, и обвиняющие во всех бедах «реакционные» силы, препятствующие его развитию. Вместо того чтобы попытаться определить цели освобождения и равенства, новые левые мыслители создали мифопоэтический нарратив о современном мире, согласно которому войны и геноцид — дело рук тех, кто отказывается от праведной «борьбы» за социальную справедливость. Историю переписали через призму борьбы между добром и злом, силами света и силами тьмы. И как бы нюансирован и красочен ни был результат, это манихейское видение истории остается с нами, легитимированное школьными программами и средствами массовой информации.

Нравственной диспропорции, при которой левым приписывается монополия на добродетель, а «правый» считается бранным словом, сопутствует и логическая асимметрия. Предполагается, что бремя доказательства лежит всегда на другой стороне. И снято оно быть не может. Поэтому, когда в 1970-х и начале 1980-х годов вернулся интерес к учению Маркса и в нем снова стали видеть правдоподобное описание человеческих тягот при «капиталистических» режимах, в левых журналах сложно было найти какое-либо упоминание о критике, с которой сталкивались эти идеи с конца прошлого века. Философию истории Маркса ставили под сомнение Мейтленд,

Вебер и Зомбарт³. Трудовую теорию стоимости опровергали Бём-Баверк, Мизес и многие другие⁴. Понятия ложного сознания, отчуждения и классовой борьбы критиковал целый ряд мыслителей: от Мэллока и Зомбарта до Поппера, Хайека и Арона⁵. Не все из них могли быть отнесены к правой части политического спектра. И не все враждебно относились к идее «социальной справедливости». И в то же время ни один из этих авторов, насколько я могу судить на момент написания этой книги, не получил от новых левых никакого ответа, кроме презрительной насмешки.

Тем не менее мы должны признать, что марксистских очков на носу у левых больше нет. Почему они были сняты и кем, сказать сложно. Однако по какой-то причине революционная парадигма, отстаиваемая новыми левыми, перестала быть важной для политиков из левого крыла. Вместо этого они сосредоточились на бюрократических процедурах и институционализации культуры благосостояния. Цели освобождения и социальной справедливости сохранились, но достигаются теперь посредством законодательных мер, через работу комитетов и правительственных комиссий, наделенных полномочиями искоренять источники дискриминации. Освобождение и социальная справедливость были бюрократизированы. Оглядываясь назад на левых интеллектуалов за десятилетия до распада Советского Союза, я вижу культуру, которая в значительной степени сохранилась до сих пор, закрепившись в своих академических редутах и питаясь жаргонной прозой,

³ См.: [Maitland, 1919; Sombart, 1902, 1916, 1927; Зомбарт, 2005б; Sombart, 1909; Зомбарт, 1902; Weber, 1968а; Вебер, 2016].

⁴ См.: [Böhm-Bawerk, 1949; Бём-Баверк, 2002; Mises, 1951; Мизес, 1994].

⁵ См.: [Mallock, 1908; Sombart, 1902, 1916, 1927; Зомбарт, 2005б; Sombart, 1909; Зомбарт, 1902; Popper, 1966; Поппер, 1992; Hayek, 1945; Хайек, 2005; Арон, 1968; Арон, 1992].

накопленной в университетских библиотеках за то время, пока университеты были частью антикапиталистической «борьбы».

Обратите внимание на последнее слово. Это слово из закрытого словаря, который вошел в язык вместе с марксизмом и постепенно упрощался и унифицировался в те годы, пока социалисты занимали интеллектуальные высоты. С самого начала коммунистическое движение вело борьбу за язык и почитало теории Маркса отчасти потому, что они предоставляли удобные ярлыки для определения друга и врага и драматизации конфликта между ними. Привычка оказалась заразной, так что в той или иной мере ею отмечены все последующие левые движения. В самом деле, трансформация языка политики — это главное наследие левых, и одна из задач настоящей книги состоит в спасении этого языка от социалистического новояза.

Термином «новояз» мы обязаны Джорджу Оруэллу, рассказавшему нам об одном жутком вымышленном тоталитарном государстве. Но захват языка левыми имеет давнюю историю, начиная с лозунгов Французской революции. Обороты, привлёкшие внимание Оруэлла, оно набрало уже при Социалистическом интернационале и активном участии русской интеллигенции. Тем, кто вышел непобежденными из II Интернационала 1889 г., было даровано видение преобразенного мира. Это гностическое откровение было столь ясным, что в доказательствах не нуждалось. Более того, не существовало аргументов, которые подтвердили бы его истинность. Важно было лишь отграничить тех, кто разделял это видение, от несогласных. И наиболее опасны были те, кто отклонился столь мало, что их усилия могли смешаться со стараниями остальных. Тогда они загрязнили бы чистый поток деятельности левого движения.

Поэтому с самого начала понадобилось навешивать на внутренних врагов ярлыки, которые позволили бы их раз и навсегда заклеить и оправдать их изгнание. Их называли ревизионистами, уклонистами, левыми коммунистами, утопическими социалистами, социал-фашистами и т.д. Раскол между большевиками и меньшевиками на II съезде РСДРП в 1904 г. представляет собой яркое проявление этого процесса: слова, по сути абсолютно лживые (ведь меньшевики были в большинстве), прочно вошли в язык политики и целеполагание коммунистической элиты.

Успех, который эти ярлыки возымели в подрыве авторитета и обличении противника, укрепил убеждение коммунистов в том, что изменить реальность можно одними словами. Можно создать пролетарскую культуру, просто придумав слово «пролеткульт». Или приблизить крах свободной экономики, просто крича о «кризисе капитализма» при каждом удобном случае. Можно сплести воедино абсолютную власть коммунистической партии и добровольное согласие народа, провозгласив принцип «демократического централизма» и описывая страны, где он введен, как «народные демократии». Новояз реорганизуеет политический ландшафт, разделяя его иначе, чем было когда-либо. В результате создается впечатление, что, как в случае с изображением человеческого тела в анатомическом атласе, мы видим скрытую структуру, на которую нанизаны менее значимые, лежащие на поверхности единицы. Рассуждая таким образом, легко отвергнуть те реалии, которыми мы живем, как иллюзорные.

Новояз возникает всегда, когда основная задача языка — служить описанием реальности — подменяется противоположной целью, а именно установить власть над ней. Фундаментальный речевой акт имеет лишь грамматические признаки ассерторических суждений. Предложения новояза только кажутся ассерторическими высказываниями, но в действительности они строятся по той же

логике, что и заклинания. Они призваны продемонстрировать триумф слова над вещью, бесполезность рациональной аргументации и опасность сопротивления. В результате в новоязе образуется особый синтаксис. Несмотря на его тесную связь с построением описаний в обыденной речи, он позволяет тщательно избегать любого столкновения с реальностью или применения в дискуссии рациональных аргументов. Франсуаза Том прекрасно показала это в своем замечательном исследовании «Деревянный язык» [Tom, 1987]. Задача коммунистического новояза, по ее ироническому замечанию, состоит в «защите идеологии от коварных нападков со стороны реальных вещей».

И люди — наиболее важные из них, представляют собой преграду, которую должна преодолеть каждая революционная система и должна разрушить любая идеология. Их привязанность к чему-то частному и случайному, создающая массу неудобств склонность отвергать то, что было создано для их же блага, свобода выбора, а также права и обязанности, необходимые для ее реализации, — все это не дает сознательным революционерам выполнить свою пятилетку. Отсюда необходимость в таком описании политических решений, как будто личности не имеют к ним никакого отношения. На новоязе говорят о силах, классах и ходе истории. Деяния великих людей обсуждают только потому, что за именами Наполеона, Ленина или Гитлера в действительности скрываются абстрактные силы, такие как империализм, революционный социализм и фашизм⁶. Подобные «-измы», определяя политические изменения, действуют *через* людей, но не исходят *от* них.

⁶ См. знаменитое письмо Энгельса Боргиусу: [Engels, 1934, p. 81–85; Энгельс, 1966, с. 174–177]. (Долгое время письмо публиковалось как адресованное Г. Штаркенбургу. В предисловии к т. 39 советского издания 1966 г. с определенностью указывается, что это ошибочно. — *Примеч. пер.*)

Постоянному употреблению абстракций сопутствует одна особенность, которую Том называет «пандинамизмом». Мир новояза — это мир абстрактных сил, в котором индивиды представляют собой не более чем локальные воплощения «-измов», раскрывающихся через них. Так рождается мир без действия. Но это не застывший мир. Напротив, все находится в непрерывном движении: подталкивается вперед силами прогресса или сдерживается силами реакции. В мире новояза нет никакого равновесия, застоя или покоя. Любое спокойствие обманчиво — это затишье перед бурей. В новоязе нет понятия о мире как о нормальном состоянии и покое. Это всегда что-то, за что еще предстоит побороться, поэтому призывы к «борьбе за мир» входят в число официальных лозунгов коммунистической партии.

Отсюда и тяга к «необратимым» изменениям. Поскольку все находится в движении и борьба между силами прогресса и реакции идет постоянно и повсеместно, важно, чтобы триумф идеологии над реальностью постоянно фиксировался и подтверждался. Поэтому прогрессивные силы всегда достигают «необратимых изменений», тогда как реакционными остаются только противоречивые и просто «ностальгические» попытки защитить обреченный социальный порядок.

Многие слова с более чем достойным происхождением стали частью новояза и использовались для того, чтобы изобличать, наставлять и порицать без оглядки на видимую реальность. Больше всего это относится к термину «капитализм», используемому для осуждения свободной экономики как формы рабства и эксплуатации. Мы можем не соглашаться с ключевой идеей Маркса, выдвинутой им в «Капитале», и в то же время признавать существование экономического капитала. Тогда экономику, в которой крупный капитал находится в руках частных собственников, следует определить как капиталистическую.

Такое нейтральное описание может служить частью объяснительной теории. Но не так это слово употребляется в выражениях вроде «кризис капитализма», «капиталистическая эксплуатация», «капиталистическая идеология», где оно выступает очередным заклинанием. С тем же успехом экономической теорией можно назвать знаменитое восклицание Н.С. Хрущева «Мы вас похороним!» на заседании Генеральной ассамблеи ООН⁷. Называя свободные экономики этим словом, мы заклинаем их, чтобы они исчезли из поля зрения. И реалии свободных экономик исчезают, чтобы уступить место барочно-причудливой конструкции, разрушение которой до основания является неизменным предметом наших грез.

В процессе нормального диалога новые понятия возникают из потребности в компромиссе, достижении договоренностей, установлении порядка мирного взаимодействия с людьми, не разделяющими наши планы и симпатии, но нуждающимися в свободе не меньше, чем мы. Эти понятия имеют мало общего (или даже не имеют ничего общего) со схемами и планами революционеров. Ведь они позволяют тем, кто их применяет, менять курс, оставлять одну цель и переключаться на новую, корректировать свои методы и проявлять определенную гибкость, от которой в конце концов и зависит сохранение мира.

У себя в мансарде я могу отчетливо и упоенно представлять себе «ликвидацию буржуазии». Но, спустившись в магазин на первом этаже, я должен говорить на другом языке. Только в каком-то очень отдаленном смысле женщина за прилавком принадлежит к классу буржуазии. Но если я все же выбираю относиться к ней именно так, то

⁷ По-видимому, обстоятельства появления знаменитой фразы были другими. По словам переводчика Н.С. Хрущева, В.М. Суходрева, впервые это выражение прозвучало на одном из приемов в иностранном посольстве в Москве. Подробнее см.: *Суходрев В.М.* 2008. Язык мой — друг мой. М.: ТОНЧУ. — *Примеч. пер.*

это потому, что меня околдовало само слово «буржуа» и я пытаюсь распространить свою власть на эту личность при помощи данного ярлыка. Но в разговоре с реальным человеком — продавщицей мне следует отказаться от самонадеянной претензии на власть и предоставить ей самой говорить за себя. В моей речи нужно будет освободить место для ее голоса. И мой язык примет такую форму, чтобы сделать возможным разрешение споров и достижение соглашений, включая договоренность о том, чтобы быть непохожими. Мы обменяемся приветствиями, я скажу что-нибудь о погоде, пробурчу пару слов по поводу политики. И язык сгладит острые углы, сделает реальность более податливой и комфортной. Новояз, отрицая реальность, все усложняет. Действительность утрачивает гибкость, становится чуждой и враждебной. Отныне реальность существует, только чтобы с ней «бороться» и ее побеждать.

Я могу спуститься в магазин и, держа в голове некий план, приготовиться сделать первые шаги к ликвидации буржуазии, о которой я читал в одной из книг по марксизму. Но этот план не выдержит и первой словесной перепалки с моей жертвой. Я попробую навязать свои идеи или говорить на языке, который обычно используют для пропаганды. Но это возымеет не больше эффекта, чем все усилия Ветра в басне Эзопа, когда он состязался с Солнцем в том, кто быстрее заставит путника снять плащ. Обычный язык согревает и смягчает; от новояза веет холодом — он ожесточает. Обычный язык из собственных ресурсов порождает связанные концепты, которые отвергает новояз: «честный» и «бесчестный», «справедливый» и «несправедливый», «право» и «обязанность», «порядочный» и «непорядочный», «законный» и «противоправный», «твой» и «мой». Такие различия незаменимы при свободном обмене чувствами, мыслями и благами. Когда мы свободно высказываемся с их помощью и действуем в соответствии с ними, они создают об-

щество. Его порядки возникают спонтанно, не будучи запланированными и навязанными извне. А неравномерное распределение собственности в этом обществе становится следствием действия «невидимой руки».

Новояз не просто навязывает некий план, он еще и уничтожает язык, который позволяет людям обходиться без плана. Если в новоязе и делается отсылка к справедливости, то речь идет не о справедливости в частных делах, а о так называемой социальной справедливости, т.е. такой, которая устанавливается согласно плану, неминуемо подразумевающему изъятие у людей того, что они приобрели в результате свободного рыночного обмена. По мнению почти всех мыслителей, обсуждаемых в этой книге, управление — это искусство присвоения и последующего перераспределения того, что, как предполагается, должно принадлежать всем. Оно не служит выражением устоявшегося общественного строя, образованного нашими свободными соглашениями и естественной склонностью отвечать за себя и близких. Его роль состоит в созидании и организации социального порядка, подогнанного под идею «социальной справедливости» и навязанного чередой спущенных сверху декретов.

Интеллектуалов естественным образом привлекает идея социального планирования, коль скоро они верят, что окажутся у руля. В результате эти мыслители утрачивают понимание того, что в действительности социальный дискурс — это часть повседневного решения проблем и тщательного поиска согласия. Реальный социальный дискурс уклоняется от «необратимых изменений», рассматривает любые планы и систематизации как нуждающиеся в прилаживании, а право голоса предоставляет тем, чье согласие ему требуется. Именно отсюда и проистекают английское обычное право, а также институты парламентаризма, которые воплощают суверенитет британского народа.

Мы еще не раз столкнемся с новоязом левых мыслителей. Там, где консерваторы и либералы старого толка говорят об авторитете, правительстве и институтах, левые видят силу и доминирование. Закон и государственные учреждения играют совсем незначительную роль в их восприятии политической жизни. Основу гражданского порядка левые видят в классах, силах, формах контроля, а также в идеологии, которая окружает эти вещи мистической аурой и спасает от критики. В новоязе политический процесс представлен как непрекращающаяся борьба, скрытая за видимостью легитимности и повиновения. Отбросьте идеологию, и откроется «истина» политики. Суть последней — во власти и надежде распорядиться ею по своему усмотрению.

Таким образом, почти ничего из политической жизни, как мы ее знаем, не находит отражения в мышлении тех, чьи теории я рассматриваю на страницах этой книги. Такие институты, как парламент и суды общего права; способы реализации людьми своего духовного призвания, обычно связанные с христианскими церквями, синагогой и мечетью; школы и профессиональные организации; частные благотворительные организации, клубы и сообщества; скаутское и гайдовское движения, сельские спортивные игры; футбольные команды, духовые оркестры и хоры; любительский театр и филателия — все формы объединения людей, из согласованного смешения которых они создают определяющие их жизнь образцы авторитета и послушания, все «маленькие отряды»⁸ по Бёрку и Токвиллю — выпадают из поля зрения левых. Либо если присутствуют в нем, как, например, у Грамши и Э.П. Томпсона, то описываются в сентиментальном и политизированном ключе, чтобы их можно было представить участниками «борьбы» рабочего класса.

⁸ Англ. *little platoons*. — *Примеч. пер.*

Поэтому нет ничего удивительного в том, что, когда коммунисты захватили власть в Восточной Европе, их первой задачей было обезглавить «маленькие отряды». Так, Кадару, ставшему в 1948 г. министром внутренних дел Венгрии, удалось уничтожить 5000 за год⁹. Новояз, в котором мир представлен в терминах власти и борьбы, поощряет мнение, что все объединения, не контролируемые правильными лидерами, представляют опасность для государства. Но чем дальше придерживаться этого принципа, тем более верным он становится. Когда организовывать семинар, создавать труппу или хор можно только с разрешения партии, последняя автоматически становится их врагом.

Не случайно триумф левого способа мышления так часто приводил к тоталитарным режимам. Стремление к абстрактной социальной справедливости тесно переплетено с представлением о том, что борьба за власть и отношения господства суть истинное состояние общества, а установленные в результате консенсуса обычаи, унаследованные институты и правовые системы, обеспечивающие мир в реальных сообществах, — это просто одежды, в которые рядится власть. Нужно захватить ее и использовать для освобождения угнетенных, распределяя все ма-

⁹ Согласно данным, которые приводит венгерский историк проф. Лайош Ижак, очередной виток национализации, планирование которого началось в строгой секретности в феврале 1948 г., завершился в декабре 1949 г. На первой стадии процесса было национализировано 780 компаний. Затем национализация затронула около 1400 промышленных компаний, 600 типографий, 220 транспортных компаний, 81 гостиничное и ресторанное предприятие. Во второй половине 1949 г. подошла очередь 86 компаний, находившихся в иностранном владении. В общественную собственность переходили даже небольшие мастерские с более чем 10 служащими. Возможно, автор имеет в виду эти события. См.: *Ижак Л.* 2006. Политическая история Венгрии. 1944–1990. М.: ИРИ РАН. С. 158–159. — *Примеч. пер.*

териальные ресурсы общества сообразно справедливым требованиям плана.

Интеллектуалы, мыслящие подобным образом, уже исключают возможность компромисса. Их тоталитарный язык не создает пространства для переговоров, а делит людей на невинных и виновных. У пылкой риторики «Манифеста Коммунистической партии», лженаучной марксистской трудовой теории стоимости и классового анализа истории человечества, единый эмоциональный источник, а именно ресентимент по отношению к тем, кто контролирует материальную сторону жизни. Этот ресентимент рационализируется и усиливается доказательством того, что частные собственники образуют некий «класс». Согласно этой теории, представителей класса «буржуазии» объединяют моральная идентичность, возможность систематически контролировать все эшелоны власти и определенный набор привилегий. Более того, все эти блага приобретаются и сохраняются посредством «эксплуатации» пролетариата. Последнему нечего предложить, кроме своего труда. Поэтому пролетариев всегда будут обманом лишать справедливо заслуженного.

Эта теория работает не только потому, что усиливает и легитимизирует ресентимент. Вдобавок она позволяет развенчать идеи ее противников как «чистую идеологию». В этом и заключается главная хитрость марксизма: он смог выдать себя за науку. Акцентируя различие между идеологией и наукой, Маркс стремился доказать, что его идеология *сама по себе* была наукой. Более того, так называемая наука Маркса подрывала убеждения его оппонентов. Теории верховенства права, разделения властей, права собственности и т.д., выдвигаемые «буржуазными» мыслителями вроде Монтескьё и Гегеля, в контексте марксистского классового анализа оказались инструментами поиска не истины, а власти. Они были представлены способами удержать привилегии, дарованные буржуазным

порядком. Разоблачая эту идеологию как корыстный обман, классовая теория доказывала обоснованность своих претензий на научную объективность.

В этом аспекте марксистской мысли прослеживается уловка, похожая на те, к которым прибегают теологи. Ее мы можем найти также у Фуко в его концепции *эпистемы*, представляющей собой обновленную версию марксистской теории идеологии. Коль скоро классовая теория — это подлинная наука, то буржуазная политическая мысль представляет собой идеологию. А раз классовая теория разоблачает буржуазную мысль как идеологию, она просто обязана быть наукой. Вот мы и вошли в порочный круг, почти такой, как в космогоническом мифе. Более того, облекая свою теорию в научные термины, Маркс включает в нее момент инициации. Ведь на этом языке может говорить не каждый. Научная теория очерчивает границы элиты, которая сможет ее понять и применить. Она же доказывает просвещенность и особые знания этой элиты, из которых следует ее право управлять остальными. Именно эта черта марксизма оправдывает критику со стороны Эрика Фёгелина, Алена Безансона и др., состоящую в том, что марксизм — это разновидность гностицизма, когда право управлять получают через знание¹⁰.

С позиций сверхчеловеческого высокомерия Ницше ресентимент предстает горьким осадком «рабской морали», доведенным до крайности духовным бессилием обездоленных, которое наступает, когда люди начинают получать больше наслаждения от низложения других, чем от собственных успехов. Но неправильно так думать. Ресентимент — это, конечно, не очень хорошее чувство как для того, к кому его испытывают, так и для того, кого оно охватило. Однако задача общества как раз и состоит в том, чтобы не допустить возникновения ресентимента: жить

¹⁰ См.: [Voegelin, 1968; Besançon, 1981; Безансон, 1998].

согласно принципу взаимопомощи и братства, но не так, чтобы быть одинаковыми и безобидно посредственными, а так, чтобы достигать своих небольших успехов, сотрудничая с другими. Живя таким образом, мы канализируем и сводим на нет ресентимент. Для этого служат такие каналы, как обычай, дар, гостеприимство, общая вера, покаяние, прощение и общее право, каждый из которых моментально прекращает действовать, как только тоталитаристы приходят к власти. Для политического тела ресентимент — это как боль для живого тела: плохо ее испытывать, но хорошо иметь возможность ее ощущать. Ведь без такой способности мы не выживем. Поэтому у нас не должен вызывать раздражения тот факт, что мы раздражаемся. Нужно принять его в качестве особенности человеческого состояния и управлять этим чувством наряду с остальными радостями и горестями. Однако ресентимент может стать определяющей эмоцией и общественной идеей и в результате высвободиться из тех уз, которые обычно его сдерживают. Это случается, когда ресентимент теряет свой специфический объект и переключается на общество в целом. Такая ситуация, как мне кажется, всегда имеет место, когда левые движения берут верх. Ресентимент перестает быть реакцией на чей-то незаслуженный успех и вместо этого становится экзистенциальной позицией человека, преданного миром. Такая личность не ищет способов вести переговоры в рамках существующих структур, а стремится к тотальной власти, чтобы их упразднить. Она противопоставляет себя всем формам посредничества, компромисса и дискуссии, а также нормам закона и морали, которые дают право голоса инакомыслящему и суверенитет обычному человеку. Такие люди берутся за уничтожение врага, которого рассматривают обобщенно, в виде класса или расы, которые якобы правят миром, но которых теперь необходимо обуздать. И все институты, гарантирующие защиту такому классу

или голосу в политическом процессе, становятся мишенями этой разрушительной страсти.

В этой позиции, на мой взгляд, и есть корень любого серьезного социального беспорядка. Наша цивилизация проживала его не единожды, а уже раз шесть, начиная со времен Реформации. Обсуждая мыслителей, представленных в данной книге, мы по-новому посмотрим на эти общественные потрясения: не просто как на неуместную форму религиозности или гностицизма, подобно другим исследователям, но и как на отречение от того, что мы, будучи наследниками западной цивилизации, восприняли от прошлых поколений. В связи с этим мне вспоминается, как представил себя Мефистофель у Гёте: «Я дух, всегда привыкший отрицать. <...> Нет в мире вещи, стоящей пощады. Творенье не годится никуда»¹¹.

Это фундаментальное отрицание можно отметить у многих авторов, теории которых я рассмотрю далее. Их голос — это голос протеста, призыв против настоящего от имени неизвестного. Поколению 1960-х годов не было свойственно задаваться фундаментальным вопросом: как примирить между собой социальную справедливость и освобождение? Оно хотело только теорий, какими бы невразумительными они ни были, которые оправдали бы сопротивление существующему порядку¹². Представители того поколения определяли плоды интеллектуальной жизни как воображаемое единение интеллигенции с рабочим классом. Они стремились создать язык, способный разоблачить и лишит legitimacy «власти», которые поддерживали «буржуазный» порядок. Новояз был ключевым элементом этой программы. Он сводил то, что многие считают авторитетом, законностью и легитимностью, к власти, борьбе и доминированию. А затем, когда в ра-

¹¹ Перевод Б.Л. Пастернака. — *Примеч. пер.*

¹² См.: [Collier, Horowitz, 1989].

ботах Лакана, Делёза и Альтюссера машина абсурда начала выдавать непроницаемые тексты, из которых понятно было только то, что их мишенью является «капитализм», показалось, как будто смогло наконец заговорить Ничто. С тех пор буржуазный порядок должен был исчезнуть, а человеческий род — сгинуть, торжественным маршем направившись в Пустоту.